

Нина Данилова

Гусятинские каникулы

Общеизвестно, что каждый человек состоит, в основном, из воды, поэтому, если вода в городе вдруг почему-то становится плохой, то и жители начинают портиться прямо на глазах. Очевидно, этот патологический процесс стал угрозой для одесситов в начале 80-х после известной крупной аварии на Дрогобычском химкомбинате с последующим попаданием всего худшего ассортимента таблицы Менделеева в медленно текущие воды Днестра – единственной реки, которая поит наш родной город. Интенсивная и трудно уничтожаемая накипь на чайниках стала очевидным доказательством высокой степени концентрации опасной органики в питьевой воде. Количество камней в почках и печенках одесситов, а также возрастающие отложения на их многострадальных сосудах вынуждали многих регулярно выезжать на промывку «ливера». В отпускной период народ устремлялся на воды. И нам не забыть те времена, когда можно было регулярно поправлять свое пошатнувшееся здоровье за счет профсоюзов, то есть за 24 рубля приобретая путевку на 24 дня, или за 12 рублей соответственно на 12 дней. Причем зачастую это были очень славные места с достаточно высоким уровнем санаторно-курортного лечения. В один из таких райских уголков мы ездили несколько раз в период зимних школьных каникул. Прикарпатский очаровательный городок назывался Гусятин, а наш шефский пансионат – «Збруч», как и одноименная близко протекающая река. Великолепные смешанные леса, целебный воздух и минеральные источники приятной на вкус воды – вся эта прелесть располагалась недалеко от города Тернополя.

Пансионат отдыха не потребовал особых затрат для строительства. После завершения проведения венграми газопровода Уренгой – Ужгород остался десяток благоустроенных барачков, где раньше жили строительные рабочие. Вот в них-то и размещали граждан, прибывших для отдыха и лечения. Для превращения прозаичного барачного лагеря в лечебно-профилактический пансионат достроили скромный бювет, в который подавалась подогреваемая слабоминерализованная вода из ближайшего источника. Комнаты в бараках, именуемых жилыми корпусами, хорошо отапливались, были оснащены душами и туалетами. Но самое неприятное, с чем приходилось там сталкиваться, – это абсолютная звукопроницаемость! Совсем как у Ильфа и Петрова в описанном ими общежитии имени монаха Бертольда Шварца. Все мы вынуждены были проживать единой дружной семьей. Стоило только кому-то чихнуть в своей комнате, из двух соседних номеров тут же доносилось: «Бувайте здоровеньки!». Большой ошибкой было выбрать себе кровать, стоящую у стенки, так как человек, спящий в соседней комнате, как бы делил с вами постель – каждое его движение и звук не могли быть не уловленными в ночной тишине. Однажды мне довелось некоторое время промучиться таким образом с пожилым инвалидом, спящим в соседней комнате. Он, бедняга, так стучал коленями об стену, громко стонал и охал, но самое тяжелое – это был его жуткий храп с такими невероятно длинными паузами, что впору было бежать к дежурному врачу, чтобы успеть оказать ему реанимационную помощь.

Гордостью пансионата «Збруч» был его новый лечебный корпус, построенный по последнему слову архитектуры современных комплексов. Главный врач Николай Иванович, высоченный красавец западенец, судя по притязаниям, объездил множество европейских здравниц и установил в лечебном корпусе высокий уровень курортного сервиса. Впрочем, новомодные порядки явно не соответствовали ни возможностям обслуживающего персонала, ни привычным запросам подавляющего большинства отдыхающих.

Однажды мы приехали в Гусятин с моими подругами и одновременно сотрудницами Мариной и Нелей, которые обычно «промывались» в Трускавце или Моршине, и здесь появились

впервые. Нужно сказать, что Марина в этот период готовилась к эмиграции в Америку, и ее здоровье особенно нуждалось в поддержке из-за невероятного напряжения предотъездных хлопот. В первый день посещения лечебного корпуса мои подруги были поражены резко ощутимым контрастом между условиями проживания и лечения. Некоторые лечебные кабинеты были оборудованы в будуарно-альковном стиле с применением блестящей парчовой драпировки. По сравнению с казарменной скудостью оборудования предоставленной нам комнаты для проживания эта роскошная обстановка буквально потрясала! Мы передали свои регистрационные книжки хорошенькой работнице ванного отделения и, живо обмениваясь неслабыми впечатлениями, ждали, пока начнется прием вождеденных лечебных процедур. В коридоре сидели отдыхающие, в основном, проживающие в Прикарпатье. Это можно было понять по их специфическому западноукраинскому выговору, по спортивно-оздоровительным костюмам ярких расцветок и откровенно железным вставным зубам. В этих местах питьевая вода очень активна, поэтому жители вынуждены смолоду заниматься зубным протезированием. Зубная эмаль не выдерживала агрессивных минералов в сочетании с регулярным приемом больших доз очень популярного самогона. Мы видели, что как только очередная предписанная ванна была подготовлена, на нарядную ковровую дорожку, которой был устлан коридор, выходила дивчина на высоких каблукках, в белоснежном коротком халатике и торжественно объявляла имя и отчество очередного счастливчика: «Микола Остапович! Прошу, будь ласка!». Это было так необычно, индивидуально и уважительно.

Но забитые жизнью отдыхающие по первому разу иногда просто пугались и с трудом привыкали к подобной манере отпуска лечебных процедур. С нами же произошла другая история. Когда дивчина с полным уважением и достоинством произнесла: «Мэри Лазаревич! Прошу, будь ласка!» – мы втроем чуть не рухнули со своих роскошных кресел. Невообразимое сочетание написала регистраторша по ошибке на санаторной книжке Марины вместо неслыханной комбинации «Мэри Лазаревна»! Никто из отдыхающих, кроме нас, никак не отреагировал, из-за этого мы

смеялись еще сильнее! И с этого рокового момента настал для нас период неукротимого хохота, который длился все двенадцать дней. Это казалось просто каким-то наваждением – нас безумно смешило буквально все, а ведь мы в обычной жизни были довольно серьезные дамы среднего возраста. Но не смеяться было просто невозможно. Поводом могло служить буквально любое событие – непривычное звучание украинской речи на местном диалекте, предлагаемое в столовой меню, невероятно потешные ежевечерние танцы и заигрывания санаторных кавалеров. Лечащий врач довольно щедро загрузил нас всякими лечебными процедурами, и без веселых приключений нигде не обходилось. Например, однажды я умудрилась заснуть на кушетке в грязелечебном отделении в группе ожидающих очереди для натягивания горячих изокеритных чулок и перчаток. Проснувшись через полчаса оттого, что все пролеченные граждане потянулись смывать отработанный материал, я обнаружила, что меня просто пропустили и оставили спокойно отдыхать под белой простынкой! Потом рассеянная медсестричка повторяла под мой хохот: «Не може буты, николы такого не було!».

Марину вообще преследовали булгаковские сюжеты. Принимая минеральную ванну, вдруг, к своему ужасу, она увидела выскок под потолком над перегородкой, отделяющей ванный зал от раздевалок, кудрявую черную голову с пышными усами и выпученными на нее глазами. Она сделала попытку притопить двумя ладонями вольно плавающие груди и услышала странную фразу: «Я завжды так роблю!». От этой вопиющей наглости у нее просто перехватило дух, и она закричала: «Меня совершенно не интересует, что вы делаете всегда! Немедленно убирайтесь!». Голова растерянно заморгала, облизнулась и исчезла. Марина попыталась успокоиться и продолжить кайфование в пузырящейся ванне, но прежнего расслабления достичь уже не удалось. В коридоре к ней подошел высоченный детина, владелец вышеописанной головы, и объяснил, что он всегда становится на скамейку ногами на полотенце, чтобы не запачкаться и не простудиться. Так его мама приучила с детства. Этого довольно интимного объяснения ему показалось достаточно, для того чтобы пригласить Марину вечером на танцы.

Наша соседка по бараку рассказала мне, что после приема ванны перешла на массаж и обнаружила, что оставила в раздевалке свои черные колготки. Вернувшись за ними, она увидела картину, от которой чуть не лишилась рассудка. В наполненной ванне сидел мужчина, на котором были надеты ее колготки! Он объяснил вызванной по такому случаю медсестре, что первый раз на лечении, только что на него надевали грязевые чулки, и увидев возле ванны колготки, решил, что их тоже необходимо натянуть на себя. Не знаю, насколько все в этом рассказе соответствовало истине, но соседка тоже заливисто хохотала, а я не могла «наллюбоваться» ее железными челюстями. На мои расспросы о том, кто делает им такие замечательные протезы, она ответила вполне доброжелательно: «Так жида влитку до нас з Києва приизждають, то ж вони й роблять добри зуби. Таки файни жида, завжды уси их чекаємо!». Через много лет в Израиле мне довелось познакомиться с зубными врачами, репатрировавшимися из Киева, которые рассказали, что каждый год ездили в Прикарпатье на отдых и подработку. Они вспоминали, как их всегда там ждали, и дети радостно кричали, как только видели подъезжающую машину: «Ура! Жида вже приехали!».

Думаю, что железные плоды их трудов до сих пор в строю.

В этом дивном городке под незабываемым названием Гусятин по всем улицам, включая центральные, гордо разгуливали невероятно крупные яркого окраса петухи, ревниво пасущие свои гаремные стайки кур, а гуси скромно группировались ближе к реке. Куриные яйца были такой свежести и вкусноты, что их можно было употреблять на десерт просто сырыми. Мы обожали делать рейды по универсамам и магазинчикам окрестных городков. В одном из них под знаковым названием Жванецк я купила книгу Эфраима Севелы «Остановите самолет, я слезу». Первый в нашей жизни порнофильм «Эммануэль» нам довелось посмотреть в пансионате «Збруч» при соблюдении полной секретности. Секс-группа собиралась из немногочисленных желающих, с которых бралось по два рубля, – киномеханик называл это показом мультфильмов для взрослых. Всем было нелегко и во время показа, а особенно после. Мы отрывались на ночном хохоте, вспоминая, с каким выражением на лицах украинские крестья-

не наблюдали за постельными проделками роскошной Эмануэли и ее команды. Наши соседи по бараку все громче призывали нас, как сказал бы Бабель, «делать ночь». На украинском языке это звучало, как стихи: «Досыть реготаты! Треба совість маты! Дайте почиваты!». Но не тут то было! Истерические взрывы хохота не оставляли нас даже во сне. Дошло до того, что из-за жалоб отдыхающих нашу комнату в полном составе вызвали на проработку к главврачу. Он попытался было официально выяснить, что именно так смешит во вверенном ему пансионате, но через минуту уже хохотал с нами вместе. Пришлось всем пить валерьянку в больших дозах и принимать кислородные коктейли в роскошном будуаре лечебного корпуса для быстрого восстановления измученных смехом организмов. А меня отселили в отдельный номер, что, очевидно, следовало рассматривать как карцер строгого режима. Впрочем, туда сразу же стал приходиться местный очаровательный художник Слава – рисовать мой портрет, который, к огромному сожалению, так и не удалось завершить. Просто не хватало времени на все!

В пансионате «Збруч» были свои традиции. Например, шагая между барачков в столовую три раза в день, отдыхающие пели хором длинные и мелодичные украинские песни, причем слова знали абсолютно все, даже мы. Оказывается, петь очень полезно для здоровья, особенно на свежем воздухе. Что же касается вечерних танцев, то они просто вписывались врачом в санаторно-курортную книжку каждого отдыхающего, независимо от его возраста и состояния здоровья. Считалось, что перетруска организма во время вытанцовывания бесконечных полечек и краковяков очень способствует общему оздоровлению. На танцах играл небольшой оркестрик, состоявший из ярких индивидуумов. Особенно забавлял нас темпераментный барабанщик, маленького роста с широким румяным лицом, синими круглыми глазами, крошечными усиками и толстенькими кривыми ножками, отбивающими такт вместе с барабаном. Он подстерегал Нелю после танцев и умолял ее: «Жиночко, я хочу и могу доставити вам сами радисни мыття у вашему житти – дуже багато!». Неля, уже плача от хохота, пыталась уверить его, что у нее все мгновения жизни и так очень радостные. Но он не успокаивался, караулил вновь

и вновь. Вообще, курортных романов было много, как и полагается в таком романтическом месте.

Но время расставания неумолимо приближалось. За пару дней до отъезда мы решили покончить с диетическим питанием и оторваться в местном ресторане «Мрия». Стоял сильный мороз, и когда мы вошли, то застали грустную картину – весь многочисленный персонал собрался за скромно накрытым столом. Мы были единственными посетителями в этот обеденный час. Но сейчас же всё, как в сказке, завертелось, понеслось. Изучая поданное меню, по установившейся гусятинской традиции, мы громко смеялись. Неплохо было бы сейчас поесть гречаников со свежими боровиками или вареников с вишнями. Стоящая с блокнотом официантка, скромно потупив карие очи, тихо сказала: «Зробымо». И действительно, нам не забыть вкус «справжних украинских страв», которые подавали в тот далекий морозный день. Даже Марина, кулинарная мастерица высочайшего класса, была потрясена вкусом и запахом приготовленных за полчаса настоящих украинских блюд. Разомлев от тепла, невероятно вкусной еды и вина, мы расспрашивали повара, какие приправы он использует для мяса, чтобы оно имело такой потрясающий вкус и аромат. Ответ был маловразумительный, но, если задуматься, поучительный и точный: «Воно пахнэ так, як мусыть пахнуты справжне мясо!». А когда «на закуску» принесли вареники со свежей вишней, показалось, что внезапно наступил щедрый июль. Название этого волшебного ресторанчика не обмануло – мечты о лете сбывались, сказка продолжалась.

А затем пришел Старый Новый 1989-й год, который нам довелось встречать в бараке, но уже никто и не мечтал заснуть. Народ знал, что завтра мы уезжаем, и все решили все же выяснить, над чем мы так хохотали днями и ночами. Ну, что мы могли им объяснить?! Пришлось напрячь память и рассказывать по-настоящему смешные анекдоты. Аудитория оказалась очень отзывчивой и воспринимала одесский и прочий юмор так, что весь барак ходил ходуном. Постепенно все активизировались, начался тематический пересказ, перешедший в конкурс и т. д. В общем, к утру у всех так болели лицевые мышцы, что даже разговаривать было трудно.

В день нашего отъезда падал удивительно крупный и красивый снег, в пансионате включили репродукторы, по всей территории раздавалась щемящая душу мелодия: «Заметает метель, заметает все, что было до тебя». Почему-то хотелось плакать. Главврач пришел лично поцеловать нам ручки и вздыхал при этом с явным облегчением. Он принес в подарок комплект из трех бутылочек с минеральной водой «Збручанская». Тяжело и глубоко вздыхали художник Слава и опечаленный барабанщик. На автобусную остановку нас провожал большой и спаянный общим смехом и бессонными ночами коллектив спального корпуса. Багаж оказался изрядно потяжелевшим. Марина как настоящая образцовая хозяйка не смогла не захватить из Гусятина эмалированное ведро, наполненное волшебными куриными яйцами, каждое из которых было завернуто в газетный листок. Мы даже не представляли, какие дорожные приключения ожидают нас следующей ночью в поезде!

Учитывая, что путешествие в Гусятин возникло спонтанно и во время каникул, взять билеты на поезд «Одесса – Львов» было колоссальной проблемой. Нелина «блатная» кассирша смогла достать нам билеты туда в общем вагоне, а обратно – в плацкартном. Ни о каких купе и даже СВ не могло быть и речи. Излишне упоминать, что ни у кого из нас не было опыта проезда в общих вагонах. Но грамотные люди предупредили, что надо прийти задолго до отхода поезда, закинуть багаж на третьи полки, занять вторые полки и лежать на них по стойке «смирно» до Тернополя, почти семь часов. Мы так и поступили при посадке в Одессе, но далеко не все из задуманного плана удалось. Невозможно было себе представить, какое количество народа с огромным багажом садилось на каждой станции. Сказать, что вагон был забит до полного отказа, это значит не сказать ничего. Дышать было нечем и буквально некуда поставить ногу. Но через четыре часа лежания в безвоздушном пространстве в мечтах о посещении туалета я решила все же спуститься вниз, глотнуть, условно говоря, кислорода. Понятно, что мое лежачее место тут же было занято. Бабуля, сидящая в проходе на своей корзине, рассказывала, что хуже она ехала только во время войны – на крыше вагона с козой! Неля умудрилась задремать на верхней боковой полке,

но мы опасались, чтобы у нее не было обморока из-за кислородного голодания. Марина, внимательно наблюдавшая за одним «настоящим мужчиной», лежавшим на третьей полке на наших чемоданах, сообщила мне, что он на ее глазах выпил несколько бутылок пива. По нашему разумению, если в его организме еще действовали физиологические законы, он довольно скоро должен был каким-то образом проложить дорогу к туалету. Мы обе этого ждали, особенно я. Поэтому, когда он внезапно открыл распухшие глаза, мигом ссыпался с полки и, сопровождаемый воплями и проклятиями разбуженных и травмированных пассажиров, помчался буквально по головам в тамбур, я ринулась за ним, усердно изображая его подругу, догоняющую свое убегающее счастье. Правда, где могла, успевала извиниться за «беспокойство», но то, что звучало в ответ, лучше было не слышать. Марина, видя весь этот кошмар, не решилась покинуть свое убежище, и как всегда, оказалась права. Обратного вернуться уже не довелось! После посещения туалета пробраться назад, почти в середину нечеловечески переполненного вагона, было мне уже не по силам. Примерно час я просидела в тамбуре на мусорном ящике, продышалась морозным воздухом, но очень замерзла. Затем приглядела себе вакантное местечко в первом «купе», где четыре мужичка, сидя на нижней полке, резались в карты. За их спинами видна была свободная полоска под стенкой. Я набралась смелости и жалостливо попросилась прилечь под стеночку погреться, благо размеры тогда позволяли втиснуться хотя бы на бочок. На мое счастье, они были в азартном угаре и вообще не обращали внимания ни на что, кроме карт. Вот в таком оригинальном месте я благополучно доехала до Тернополя, где поезд стоял несколько минут и выходила прорва народу. Ошалелые подружки с трудом выбрались из вагона и вынесли мои вещи, не будучи уверены, что вообще меня когда-нибудь увидят. Тогда нам было не до смеха!

Хорошо помня, как трудно было выдержать поездку в общем вагоне, мы надеялись на значительное повышение уровня комфорта при возвращении в Одессу в плацкарте. Но нашим надеждам не суждено было сбыться! Когда примерно в час ночи мы вместе с толпой пассажиров, тяжеленными чемоданами и ведром с яйцами погрузились в вагон, нас радушно приветствовал вдре-

безги пьяный комсомольско-молодежный экипаж в лице двух качающихся проводников. О наличии нужного количества свободных мест не могло быть и речи. После долгого ожидания, пока ретивые комсомольцы растолкают мирно спящих на наших местах пассажиров (только проводникам известно было, откуда они взялись), нам со скандалом выделили одно нижнее место на троих. Багаж ставить было некуда, так как все ящики под полкой были заполнены пустыми бутылками. Цвет выданного постельного белья не поддавался определению, кроме того, оно было просто мокрое. Народ в вагоне непрерывно прибывал «с тихим шелестом купюр». В общем, вторая подряд бессонная ночь после «староновогодней» была нам обеспечена. Мы сидели, как курочки на насесте, караулили яйца и чемоданы. В пять утра веселые проводники стали собирать постели и предлагать свежее пиво...

Мы возвращались в Одессу, не зная ничего о своей дальнейшей судьбе. Марина, отправившая в Нью-Йорк несколько десятков посылок с бельем и посудой, даже не могла предположить, что ее единственный сын уже влюбился в девушку, которая переезжает с родителями в Чикаго, куда теперь лежит также путь и ее семьи. Я не имела представления о том, что через несколько месяцев выйду замуж, затем в скором времени рухнут все стабильные системы нашего общества, и в результате мы окажемся в Израиле. Неля как опытный экономист спинным мозгом чувствовала грядущий крах, пыталась понять, сколько времени еще можно продержаться и куда имеет смысл подаваться. Сейчас она живет в Нюрнберге, где появились на свет три очаровательных внука и внучка. Все мы периодически встречаемся то в Израиле, то в Германии или в Чикаго, но всегда с улыбками вспоминаем потешные гусятинские каникулы.

Бат-Ям, Израиль

